По материалам
Dallas Safari Club

Контрольный вопрос

Есть важный вопрос, который должен задать себе каждый охотник: есть ли тебе дело до сохранности дикой природы?

Вик Шендель

Настоящий охотник берёт на себя пожизненную ответственность за свои энергичные действия в интересах диких животных и мест их обитания на воле

В середине 90-х годов прошлого века, когда я обратился с приветствием к широкой аудитории охотников, то предложил ввести в наш оборот самоназвание «охотники-хранители». Я полагал, что если мы это сделаем, то поможем внедрить в сознание охотников и общественности понимание того, что охота неразрывно связана с проблемой сохранения дикой природы, поэтому практически невозможно говорить об одном аспекте без другого. Постоянно подчёркивая эту связь, я также надеялся, что как охотники мы придём к необходимости более отчётливого выражения охранительной стороны нашего движения по сравнению с охотничьей стороной. И тогда, и сегодня я истово верю в то, что именно сохранение дикой природы значит больше, чем охота.

Почти через 15 лет после этого и более чем век спустя после возникновения природоохранного движения в Северной Америке, возможно, нам следует задуматься над тем, насколько это самоназвание в действительности приложимо к нам, как индивидуально, так и коллективно. Некоторое время действительно выглядело так, что термин «охотники-хранители» довольно часто употреблялся в обиходе наших социальных событий и в письменном общении. Но меня не покидало ощущение, что это только слова. И хотя я, несомненно, могу указать на явные свидетельства значительной природоохранной работы, ведущейся некоторыми охотниками и охотничьими структурами, но всё же часто думаю, не являются ли реверансы в сторону природоохранной деятельности всего лишь подходящими аргументами для многих охотников. В то время как они, в глубине души, просто по большей части озабочены сохранением для себя возможности охотиться, а не судьбами дикой природы.

Некоторые могут возразить, что так и должно быть, указывая на то, что без охоты не будет и охраны природы, поскольку-де охотники платят за природоохранную деятельность и без их поддержки дикая природа просто скукожится и исчезнет, разве не так? Что же, доля истины в этом утверждении есть, но, видимо, она не так уж велика, как хотелось бы думать охотникам. Прежде всего, если рассматривать положение дел более масштабно, в охрану природы в значительной степени вкладываются и общественные средства, как в США, так и в Канаде. Конечно, акцизные налоги, уплачиваемые за такие вещи, как охотничьи лицензии, оружие и патроны, плавсредства, несомненно, составляют огромную долю денег, вкладываемых в природоохранные программы и на уровне штатов, а иногда и на уровне провинций. Однако же существует огромное количество программ, и выделяются значительные человеческие ресурсы для национальных парков и резерватов дикой природы, природоохранных зон и многих других структур, созданных национальными правительствами обеих стран, которые в основном, если не полностью, финансируются

О «Даллас Сафари клубе» (DSC)

«Даллас Сафари клуб» – независимая с 1982 г. организация, ставшая международным лидером в с охранении дикой природы, как фауны, так и угодий, занимающаяся просвещением молодёжи и прочей публики, а также продвигающая и охраняющая права охотников во всём мире. Присоединяйся к нам на сайте www.biggame.org.

за счёт бюджетных, то есть общественных средств.

Помимо этого даже мощный фонд Питмана – Робертсона, который издавна занимается поддержкой природоохранной деятельности, получает значительное количество своих налоговых отчислений от розничной продажи огнестрельного оружия тем лицам, которые вовсе не имеют отношения к охоте. Таким образом, хотя охотники и могут справедливо указывать на значительные средства, которые они помогают привлечь к природоохранной деятельности, мы просто не можем продолжать считать, что только мы оплачиваем все эти расходы. Это просто не соответствует истине. Преувеличивая своё значение, мы подрываем свою позицию, а это, я уверяю вас, очень дорого обойдётся для охоты.

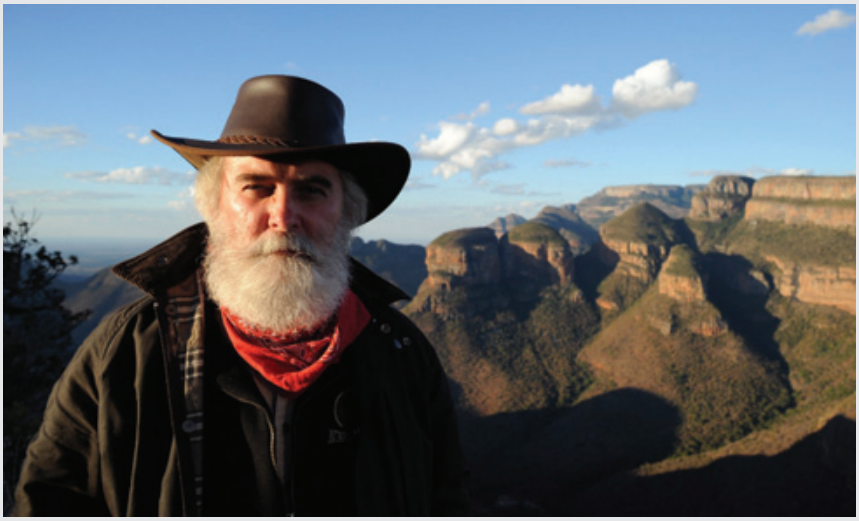
Но этот вопрос – кто платит – не является основным поводом для размышлений. Даже если все средства, расходуемые на природоохранную деятельность, поступали бы толь ко за счёт налогов на охотничье снаряжение, значит ли это, что все охотники преданы идее охраны природы? Или просто может быть, что большинству охотников даже и в голову не приходят подобные мысли, когда они покупают свои охотничьи ружья? Просто они уплачивают налог, вот и все дела. И впрямь, давайте зададим ещё один многозначительный вопрос. Какое количество охотников в процентном отношении хотя бы осведомлены о том, что уплачиваемые ими налоги частично идут на сохранение природы? Возможно, процент этот вовсе не так высок, как нам хотелось бы думать, а то и ниже того, который нам хотелось бы знать. По-моему, сейчас уплата налога на ружьё и патроны, установленного в 1937 г., ещё не делает никого хранителем природы, независимо от того, охотник он или нет.

Итак, что же отличает человека – хранителя природы, и как вы его можете распознать при встрече? Вот этот вопрос стоит того, чтобы над ним поразмышлять. Однако здесь надо предупредить: деятельность в этом направлении может оказаться не слишком комфортным опытом и выведет вас на арену непростого персонального выбора. Но всё же – если мы хотим приобрести известность как адепты природоохранной деятельности, не должны ли мы сформулировать, какое содержание мы вкладываем в это определение? Если нас, как охотников, вдруг спросят об этом? Что мы ответим? Что бы вы лично сказали, как охотник или путешественник?

Сочтём ли мы, что этот термин относится к тому, кто уплачивает акцизы или заказывает сафари в Африке? Отнесём ли мы сюда персон, кто отстреливает списанных цирковых животных внутри крошечного огороженного пятачка земли, или тех, кто практикуется в стрельбе по живым мишеням (таким, как степные собачки и мешотчатые крысы)? Включим ли мы в число хранителей тех юных гопников, которые ещё до своего совершеннолетия перестреляли дюжины живых существ, о которых они абсолютно ничего не знали? А как насчёт охотников, сдвинутых на наградах и принимающих решение, какое животное ему нужно завалить, только лишь на основании перечня тех зверей, которые дадут ему возможность пройти квалификацию для получения вожделенной награды? Похоже ли всё это на то, что делает хранитель природы?

Что же, вглядимся глубже в этот вопрос и вообще

Шейн Махони



Родившийся и выросший на Ньфаундленде Шейн Махони – биолог, писатель, охотник, рыбак, лектор с международной известностью по проблемам окружающей среды и сохранности биоресурсов. Он также работает экспертом в организации «Норт Америкен Консервейшн Модел», занимающейся охраной дикой природы Северной Америки.

отвлечёмся от охоты. Что вы думаете по поводу личности, которая путешествует, наблюдает за птичками, помогает очищать загрязнённые водные источники, выступает от имени дикой природы и борется за гуманное отношение к животным, но – не охотник? Это хранитель природы? А пожилой господин, который никогда не охотился, но подписывается на множество изданий об активном отдыхе, вносит скромные денежные суммы для своего местного экологического комитета и помогает организовать сбор вторичного сырья по месту жительства? Он как – тоже хранитель природы? Или убеждённый противник охоты, кто заботится о сохранении окружающей среды, в том числе и материально, или протестует против загрязнения великолепной реки с форелью, он что – хранитель?

Ответы на такие вопросы могут быть непросты, но принятие решения по ним чрезвычайно важно для всех нас, и, по моему убеждению, особенно для тех, кто охотится. Несмотря на то что я могу не соглашаться с некоторыми личными убеждениями или действиями вышеупомянутых виртуальных персонажей, я не берусь однозначно определить, кто из них – хранитель природы, а кто – нет. Проблема заключается в том, что большинство людей в обществе не рассматривают природоохранную деятельность в любом смысле как что-то действительно существенное и важное, чтобы они желали бы хоть как-то быть вовлеченными в дискуссию по этому вопросу. И в этом смысле все упомянутые ранее персоналии заметно более осведомлены или заинтересованы в дикой природе и её охране, чем большая часть общества. Кроме того, каждый из обсуждаемых нами индивидуумов, или все они, вне зависимости от их отношения к охоте в целом, или к частным случаям охотничьей практики, способны искренне заботиться об охране природы и могут от души посвящать часть своего времени и средств ведению природоохранной деятельности и защите окружающей среды для будущего.

По-моему, сам факт сознательного вовлечения в функционирование программ или структур, помогающих обеспечить будущее существование дикой природы, является первым верным критерием, по которому можно определить человека – хранителя природы. Это не единственный критерий, и даже не безошибочный. Он становится гораздо более надёжным, если такое вовлечение совпадает с личными убеждениями, воспринимающими дикую природу и естественную окружающую среду в качестве значительных социальных ценностей, а персональная оценка ставит их высоко в перечне условий, составляющих качество нашей жизни. Я считаю крайне важным, будем ли мы сами убеждать остальных своими мыслями и действиями в том, что природоохранная деятельность – благородное дело. Дело, формирующее наш гражданский статус, объясняющее нашим детям, что в жизни по-настоящему значимо и важно и что делает наши народы лучше, крепче и прогрессивнее.

Как охотникам, нам надо решать, будет ли наше движение служить, прежде всего, нашим интересам или интересам дикой природы. Да, я соглашусь с тем, что любой, охотник или нет, может стать настоящим хранителем. Но я остаюсь убеждённым в том, что охотники должны возглавить общество в борьбе за то, чтобы дикая природа и жизнь остались с нами. Я не могу увильнуть от ответственности перед дикими зверями. И не только потому, что они так часто и так щедро даровали мне воодушевление и своё очарование, но и потому ещё, что иногда я ощущал полное и чувственное восприятие слияния их существования и моего собственного. Помимо всех прочих любителей отдыха на природе, охотники наиболее обдуманно и сознательно взаимодействуют с ней. Если при виде павшего от нашей руки животного мы не ощущаем тяжести своего решения, или честно не принимаем на себя взятый долг, то тогда мы никогда не должны и заикаться о том, что у нас есть некая особая роль или свои традиции.

Что ставит охотника несколько особняком от остальных людей, так это его пожизненная приверженность диким существам и тем местам, где они обитают на воле. Узы, скрепляющие наше движение, должны быть жизнями диких животных, а не их смертями и гибелью. В этом крестовом походе могут принимать участие все граждане, и все могут стать хранителями природы. Я не вижу того, чего можно было бы стыдиться в акциях противников охоты, игнорирующих этот природоохранный поход, хотя я и сожалею о них. Зато мне совершенно ясно, что это нам, охотникам, надо стыдиться. Никто из тех, кто отбирает жизни диких созданий, не имеет права стоять в стороне от борьбы за их существование. Дезертирство такого рода говорит о нашей любви только к самим себе, о непростительно эгоистической и жестокой позиции.